

Чэн Синьюань снова начал хвастаться своими «героическими подвигами», совершенными во время дежурства на гаокао, что вызвало восхищение у троих молодых людей, которые не участвовали в подобных мероприятиях.

После ужина все разошлись, чтобы привести себя в порядок. Проведя уже несколько дней в пограничном отряде, Чжао Сюньюэ так и не смог привыкнуть к общественной бане. В его общежитии в полицейской академии был отдельный санузел, поэтому здесь он всегда откладывал поход в душ до позднего вечера, чтобы мыться в одиночестве.

Чжао Сюньюэ в целом не имел серьезных проблем с бытом и мог переносить трудности, но мысль о том, что ему придется мыться в компании других мужчин, вызвала у него сильное беспокойство, особенно когда он представлял, что может встретить там Чэн Синьюаня. Это вызвало в нем странное чувство, смесь раздражения и скрытой тревоги. Позже он узнал, что в комнате Чэн Синьюаня есть душ, и тот никогда не посещал общественную баню. Это немного успокоило Чжао Сюньюэ.

Его сосед по комнате, Вэй Чэньпин, постепенно заметил эту «особенность» Чжао Сюньюэ. Он решил, что тот просто привык к комфорту и не может приспособиться к коллективной жизни, что вызвало у Вэй Чэньпина некоторую неприязнь. Однако со временем он заметил, что, кроме своей замкнутости и молчаливости, Чжао Сюньюэ не проявлял никакого высокомерия или других очевидных недостатков, и постепенно его предубеждение рассеялось.

Однажды Вэй Чэньпин уже лег спать, когда Чжао Сюньюэ в очередной раз отправился в душ в одиночестве. Возвращаясь, он слегка шумно вошел в комнату, и Вэй Чэньпин, перевернувшись на кровати, произнес:

— Эээ...

— Я тебя разбудил? — тихо спросил Чжао Сюньюэ.

— Нет... Я просто не могу уснуть.

Если бы это сказал кто-то другой, это явно было бы началом разговора, но со стороны Вэй Чэньпина Чжао Сюньюэ не мог понять, что он имел в виду. Возможно, он просто констатировал факт, что не может уснуть. Чжао Сюньюэ не стал продолжать разговор и лег на свою кровать, но тут снова раздался голос Вэй Чэньпина:

— Я немного нервничаю из-за дежурства на гаокао.

Он проходил практику у Цао Чуна, который был главным ответственным за это мероприятие, и даже поручил Вэй Чэньпину отдельные задачи.

— Мы поедем в деревню на пять дней, так что к гаокао точно не вернемся. Не нервничай, просто работай нормально с другими полицейскими, — успокоил его Чжао Сюньюэ.

— Да, я изначально не нервничал, но после слов Ма Цюаньцюаня мне показалось, что я недооцениваю эту работу.

Чжао Сюньюэ задумался, а затем вдруг спросил:

— Ты уже какое-то время проходишь практику у Цао Чуна. Как тебе с ним работать?

С момента их прибытия в уезд Линьчэнь прошло уже почти две недели. Хотя они жили в одной

комнате, каждый из них работал с разными наставниками, и времени на общение у них было мало. К тому же оба были склонны к молчаливости и редко первыми заводили разговор.

— Ты про офицера Цао? Он... — Вэй Чэньпин сделал паузу. — Он хороший.

Это была абсолютно пустая фраза, не несущая никакой информации. Чжао Сюньюэ почувствовал, что Вэй Чэньпин все еще относится к нему как к обычному коллеге, сохраняя дистанцию. Сам Чжао Сюньюэ был человеком медленно сближающимся, поэтому он не винил Вэй Чэньпина за отсутствие откровенности. Затем тот тоже спросил:

— А как твой наставник, капитан Чэн?

Теперь очередь была за Чжао Сюньюэ сказать что-то бессмысленное. В его голове возник образ Чэн Синьюаня, и даже если у него были к нему претензии, он не стал бы высказывать их Вэй Чэньпину. Поэтому он просто кивнул в темноте:

— Нормально.

Чжао Сюньюэ думал, что этот бессмысленный обмен информацией на этом закончится, но Вэй Чэньпин добавил:

— Да, похоже, он умеет заботиться о других.

— Что?

Чжао Сюньюэ чутко уловил скрытый смысл в этих словах. Оба они окончили полицейскую академию, и у них была развита наблюдательность. Независимо от того, было ли это намеренно или нет, в словах Вэй Чэньпина можно было выделить два аспекта. Во-первых, он считал Чэн Синьюаня хорошим человеком, а во-вторых, возможно, он завидовал тому, что Чэн Синьюань курирует Чжао Сюньюэ. Чжао Сюньюэ слегка нахмурился. Ему очень хотелось спросить: «Правда?»

Действительно ли кто-то считает, что Чэн Синьюань добрый и заботливый?

На следующее утро Чэн Синьюань и двое его коллег готовились к отъезду в деревню. Сы Цяньэ позавтракал с ними, а затем они отправились за своими чемоданами. В багажнике их машины было несколько больших коробок с овощами, которые они собирались раздать жителям деревни: зеленый лук, капуста, картофель, а также одеяла, подушки, полотенца и другие предметы первой необходимости. Кроме того, они везли книги и канцелярские принадлежности для местной школы.

Кроме Сы Цяньэ, их провожал и Цао Чун. Чэн Синьюань должен был вести машину, так как в горных районах часто бывают проблемы со связью, и нельзя полностью полагаться на навигатор. Цао Чун распечатал для него карту и указал несколько опасных участков дороги. Полгода назад именно он возглавлял предыдущую поездку в деревню.

Сы Цяньэ помогал Чжао Сюньюэ и Ма Цюаньцюаню загрузить багаж в машину, а Цао Чун стоял у капота и объяснял Чэн Синьюаню маршрут:

— Здесь ни в коем случае не останавливайтесь на отдых, здесь много грязи. Хотя в последние дни дождей не было, будьте осторожны, в горах влажность выше, чем здесь, и я боюсь оползней.

— Да, понятно, — серьезно ответил Чэн Синьюань.

Чжао Сюньюэ стоял у багажника, ожидая, пока Ма Цюаньцюань положит свой чемодан, и смотрел на профиль Чэн Синьюаня, который что-то отмечал на карте, в то время как Цао Чун продолжал говорить.

Чжао Сюньюэ вдруг спросил Ма Цюаньцюаня, стоящего перед ним:

— Ты как с вождением?

— А?

Ма Цюаньцюань, уложив чемодан, обернулся, чтобы помочь Чжао Сюньюэ. Тот отказался:

— Не надо, спасибо, я сам. — Затем он кивнул в сторону Чэн Синьюаня и сказал Ма Цюаньцюаню:

— Нельзя же ему все время везти.

Сы Цянье, стоявший рядом, добавил:

— Не волнуйтесь, Синьюань хорошо водит, и в деревне вас встретит ответственный.

— Вообще-то я хорошо вожу, я даже занимался автоспортом, могу его сменить, — сказал Чжао Сюньюэ.

— Горные дороги в деревне отличаются от городских. Вы привыкли к городским условиям, так что лучше доверить это опытному полицейскому. Не волнуйтесь, у Синьюаня и навыки, и выносливость на высоте.

Чжао Сюньюэ заметил, что Чэн Синьюань и Сы Цянье были всего на несколько лет старше его, а самому «старому» Чэн Синьюаню было всего на четыре года больше. Однако они все время вели себя как «старики», обращаясь с новичками как с детьми.

Чжао Сюньюэ ничего не ответил. Они закончили загружать багаж и направились к машине. Сы Цянье сказал Чэн Синьюаню:

— Все готово.

— Хорошо.

Чэн Синьюань сложил карту, а Цао Чун, обращаясь к Ма Цюаньцюаню, пошутил:

— Маленький Цюаньцюань, в этот раз я не поеду с тобой. В деревне тяжело, и ты будешь видеть много стариков и больных. Постарайся не расплакаться.

Все взглянули на Ма Цюаньцюаня, и тот слегка смутился, но все же сказал Чэн Синьюаню:

— Капитан, не волнуйтесь, в этот раз со мной еще и стажеры. Я обязательно покажу хороший пример.

Взгляды снова обратились к Чжао Сюньюэ. На самом деле он был на год старше Ма Цюаньцюаня, но тот был добродушным и не зазнавался, а Чжао Сюньюэ не проявлял той надменности и враждебности, которая часто встречалась в полицейской академии в

отношении возраста, и перед отъездом вел себя скромно.

Но тут Чэн Синьюань неожиданно сказал:

— Какой пример? Он уже в вождении тебя обошел.

Чэн Синьюань говорил легко, как будто шутил с Цао Чуном над Ма Цюаньцюанем, но для Чжао Сюньюэ эти слова прозвучали иначе: оказывается, Чэн Синьюань слышал их разговор у багажника, и это был первый раз, когда он встал на сторону Чжао Сюньюэ.

Чжао Сюньюэ с удивлением посмотрел на Чэн Синьюаня, а «маленький Цюаньцюань» не уловил скрытого смысла и вместо этого спросил Чжао Сюньюэ:

— Да-да, как ты, ты еще и автоспортом занимаешься?

— О, ты еще и гонщик, круто! — Цао Чун свистнул, положил руку на плечо Чэн Синьюаня и, похлопав его, указал на Чжао Сюньюэ:

— Пусть он потом покажет нам горный дрифт, дадим молодежи шанс.

— Иди ты, — Чэн Синьюань сбросил его руку. — Садитесь, если выедем поздно, придется дрифтовать в темноте.

Дорога в деревню была сложной. Хотя расстояние было небольшим, путь был крутым и грязным, и обычно на него уходило около четырех часов. С учетом остановок на обед и отдых, они должны были прибыть в деревню к середине дня. В горах темнеет рано, и если выезжать поздно, то можно добраться только к сумеркам.

Трое отъезжающих сели в машину: Чэн Синьюань за рулем, Ма Цюаньцюань на переднем сиденье, а Чжао Сюньюэ сзади. Чэн Синьюань напоследок пожелал оставшимся удачи на гаокао и выехал со двора полицейского участка.

□ Это отсылка к известной строчке из песни «Butter-Fly» из первого сезона аниме «Цифровой монстр», что-то вроде «мечты безграничны».

<http://bllate.org/book/16930/1559111>